

В воспоминаниях А-Да, когда ему было двенадцать-тринадцать лет и он бегал за Вороном, вокруг Ворона всегда крутились девушки, которые им восхищались.

— Но Ворон считал, что я ещё маленький, и если он женится, ему придётся уйти из дома, поэтому он так и не женился, — сказал А-Да, его глаза повернулись, и он добавил:

— Мой отец умер, когда мне было двадцать четыре, а потом вы пришли. Он был занят тем, чтобы помочь мне справиться с вами, и так всё и затянулось.

Брат Цун, услышав это, почувствовал ещё большее сожаление. Только что он был раздражён словом «пленные», а теперь уже наступил на минное поле «захватчиков».

На самом деле он всё ещё не принимал такое описание. По его мнению, государство Ши было единым целым. Были только горцы, не желавшие принимать помощь и просвещение, а не солдаты, топчущие крестьянские земли.

Но он ещё не успел заговорить, как А-Да, кажется, тоже осознал деликатность темы и просто прекратил разговор, переведя его на А-Яня.

— Я — глава деревни, мой старший брат должен был иметь право взять названного младшего брата. Твой маленький секретарь симпатичный, белый, так что он с Вороном не прогадал.

А-Да говорил прямо, а потом взглянул на брата Цуна, как бы проверяя его реакцию.

Какая могла быть реакция у брата Цуна? Он даже не мог выбрать, станет ли он названным младшим братом А-Да, не говоря уже о том, чтобы решать за А-Яня.

— В конце концов, мы пленные, что вы скажете, то и будет, — брат Цун ответил уклончиво.

К его удивлению, А-Да улыбнулся.

— Ты так говоришь, но на самом деле это не так. Ворон в ту ночь даже не тронул твоего маленького секретаря. Став названным младшим братом, он получил право голоса. Твой маленький секретарь тоже упрямый, интересно, справится ли с ним Ворон.

Брат Цун промолчал.

А-Да тоже не стал продолжать. Он подождал, убедившись, что брат Цун больше не хочет задавать вопросов, затем повернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

Взгляд А-Да был настолько пронзительным, что брат Цун почувствовал лёгкую панику.

Они были близко, хотя и лежали под разными одеялами, дыхание А-Да касалось лица брата Цуна.

Брат Цун поклялся, что никогда не испытывал никаких фантазий по поводу представителей своего пола, но почему-то в тот момент взгляд А-Да вызвал у него и напряжение, и страх, заставляя сердце биться быстрее.

— Что? — сказал брат Цун, стараясь держать голос ровным.

— Не надо так, — сказал брат Цун, подтягивая ноги с кандалами ближе к себе. — Я... я действительно не такой.

А-Да был человеком, который всегда сохранял спокойствие, поэтому, что бы ни делал брат Цун, его взгляд оставался невозмутимым, даже холодным и бесстрастным.

Он внимательно посмотрел на брата Цуна, а затем ответил тем самым знакомым «угу», после чего вернулся под своё одеяло, повернулся спиной и закрыл глаза.

Брат Цун с трудом проглотил слюну в третий раз.

Но его сердце всё ещё бешено колотилось, его шея горела, а кровь стремительно бежала к мозгу и сердцу.

Казалось, щетина и потрескавшиеся губы всё ещё касались его кожи, и он должен был потрогать себя, чтобы убедиться, что А-Да отошёл.

В ту ночь брат Цун не спал. Он не чувствовал сонливости и просто лежал с открытыми глазами до утра.

Только когда А-Да встал и, как ни в чём не бывало, вышел из дома, брат Цун почувствовал усталость и заснул до полудня.

В последующие дни всё шло как обычно: брат Цун вставал, проводил время с А-Янем, а вечером ложился спать с А-Да. Однако А-Да больше не переходил границы, словно они действительно были просто друзьями, спящими в одной постели.

Брат Цун спрашивал об А-Яне, и из его сбивчивого рассказа узнал, что те цветы так и не были подарены. Более того, в процессе погони они были испорчены, и в итоге А-Янь получил пинок под зад, чтобы убрать беспорядок.

Брат Цун считал, что такая жизнь вполне сносна. По крайней мере, их жизни и достоинство пока в безопасности благодаря их упорству. Они могли просто ждать, пока войска войдут, или постепенно завоюют доверие людей Кушань, и тогда побег станет возможен.

Брат Цун был довольно адаптивным, поэтому через две недели после прибытия у него не было сильных признаков акклиматизации. Кроме того, что местный алкоголь и горькая похмельная вода оставили не самые приятные воспоминания, он мог есть и насыщаться.

Но с А-Янем всё было иначе.

А-Янь начал страдать от диареи, бегая в туалет по пять-шесть раз в день.

Именно тогда брат Цун узнал, что здесь есть туалет, и глубоко раскаялся в том, что раньше справлял нужду под деревом.

Люди Кушань ели сырое мясо и пили кровь, но это было только на больших праздниках. В обычные дни они питались кашей и лепёшками, которые, хоть и были пресными, но могли утолить голод.

Но если хотелось чего-то мясного, это было сложно.

Мяса здесь хватало, но это было какое-то странное мясо: горные насекомые, золотые крысы и рыбы, которые выглядели настолько устрашающе, что невозможно было понять, что это за вид.

От крупных зверей до мелких насекомых. Казалось, всё, что можно было увидеть, годилось в пищу.

Брат Цун попробовал зелёного скорпиона и осеннего жука — они выглядели относительно безобидно. В тот день у него в животе совсем не было жира, и он не удержался, чтобы не попробовать что-то из тарелки А-Да.

Если бы он не знал, что это такое, он мог бы обмануть себя и проглотить. Но, пожевав немного, он то и дело представлял себе, как выглядит это существо, и в итоге выплюнул всё, что было у него во рту.

Он не мог есть это, даже жареное, не говоря уже о том, что подавали без обработки, просто смешав с какой-то кашницей и отправив в рот.

А-Янь был не таким стойким. Он ел, видя, как Ворон уплетает всё с аппетитом, а его живот урчал от голода.

В итоге он ел, потом бежал в туалет, снова ел и снова бежал, терпя поражение, но не сдаваясь.

Брат Цун сказал, что так нельзя, иначе желудок скоро сдаст, и когда появится шанс сбежать, он будет лежать в постели без сил.

— Я тоже не хочу, но я действительно голоден, — А-Янь уже чуть не выпал от изнеможения.

Брат Цун понял, что это серьёзная проблема выживания, поэтому он набрался смелости и поговорил с А-Да.

Он сказал, что сам справляется, но может быть, Ворон сможет добыть нормального мяса для А-Яня.

— Я не говорю, что ваша еда плохая, но А-Янь действительно не может её есть. Боюсь, он не выдержит, если так продолжится.

— Что такое нормальное мясо? — спросил А-Да.

— Ну, свинина, баранина, говядина, или хотя бы курица, утка, гусь. Вы едите слишком экзотично, а мы слабые, слабый организм не выдерживает такого, — брат Цун попытался объяснить мягко.

— Не в праздник это не забывают, — А-Да отрезал. — Зимой охотиться сложно, ничего нет.

Брат Цун был в замешательстве.

Он уже думал, что надежды нет, и А-Яню придётся, как и ему, питаться кашей. Но на следующий день вечером он увидел, как Ворон принёс двух зайцев.

Видимо, А-Да всё-таки поговорил с Вороном, и, каким бы способом тот ни добыл их, в итоге А-Янь получил что-то нормальное.

На мгновение брат Цун подумал, что если бы он был человеком Кушань или мог бы провести с ними больше времени, он, возможно, нашёл бы другой способ влиться в их общество, без необходимости убивать друг друга.

Но, к сожалению, брат Цун был всего лишь мелким чиновником. Как говорится, советник без звания — и пукать не имеет права.

Роль брата Цуна была незначительной, поэтому, когда стороны снова столкнулись в бою, он

понял, что конфликт между ними за последние годы стал настолько глубоким, что они больше не видели друг в друге соотечественников, а лишь врагов, которых нужно уничтожить.

Эта резня произошла на северной горе, в деревне, где жила сестра А-Да.

Возможно, после разведки в Наньгоу в начале года там усилили оборону, и прорваться было невозможно.

Западная часть находилась под контролем А-Да, и с самого начала там не было послаблений, так что нападать было глупо.

Дунлин был самым отдалённым, с собственным портом и самым большим запасом оружия, так что его было сложнее всего атаковать.

А Чжунтугао находился в самом центре, и чтобы найти слабое место, нужно было прорвать оборону с какой-то стороны.

Поэтому, взвесив всё, они выбрали Бэйпо.

<http://bllate.org/book/16300/1470170>